

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ И НОМЕНКЛАТУРЫ В ЯЗЫКЕ МЕДИЦИНЫ

Мунтян А. А.

Киевский национальный лингвистический университет

У статті визначається поняття *термін* та його специфіка, здійснюється розмежування понять *термінологія* і *номенклатура* та *номен* і *термін* у мові медицини, розглядаються періоди становлення та розвитку російської медичної термінологічної системи.

Ключові слова: термін, термінологія, номенклатура, номен.

The article defines the concept of the term and its specificity, delimitation of the concepts of terminology and nomenclature and nomen name and term in the language of medicine, the periods of formation and development of the Russian medical terminology system are considered.

Keywords: term, terminology, nomenclature, term, nomen.

Изучение специальных терминологий и их формирования в различные исторические эпохи, упорядочение тех или иных терминологических систем на современном этапе развития русского языка находятся в центре внимания украинских и зарубежных лингвистов.

Благодаря усилиям языковедов и специалистов из других областей науки в настоящее время получили решение многие сложные и важные вопросы, связанные с проблемой термина. При этом большой вклад в разработку теории термина внесли такие ученые, как Д. С. Лотте, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский, О. С. Ахманова и др.

В современной лингвистической науке предложен целый ряд определений термина. Наиболее распространенной является общая характеристика термина, которая определяет его как слово или словосочетание, “выражающее профессиональное понятие” [8, с. 99] или специальное понятие, требующее дефиниции [23; 24].

Мы считаем, что именно дефиниция дает представление об обозначаемом объекте (которое может быть как вещественным и конкретным, так и абстрактным), устраняя одновременно возможную неоднозначность, которая характерна для общеупотребительной лексики. Дефиниция, не являясь негативной там, где возможно позитивное определение, должна соотноситься с определяемым словом. В развивающихся терминологических системах вместо употребления удачного однословного термина может функционировать его краткая дефиниция.

Некоторые определения могут быть дополнены определенными характеристиками. Например: “Термин – слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимается, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов” [1, с. 474]; “слово или подчинительное словосочетание, формирующее и выражающее профессиональное понятие и применяемое в коммуникативных процессах общественного производства” [8, с. 99]; “термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях” [33, с. 14]. Но нельзя признать такие обобщенные формулировки полностью удовлетворительными и достаточными для полного раскрытия сущности термина как лингвистической единицы.

Единства мнений о том, какими критериями термин отличается от обычных слов, в современной лингвистической науке еще не достигнуто. Так, например, Р. А. Будагов считает основным признаком термина его однозначность [2], но некоторые языковеды утверждают, что он имеет только тенденцию к однозначности [17; 19; 30]. А. А. Реформатский считает, что термин однозначен и от нормального словесного контекста не зависит. По его мнению, “контекстом для термина является не ситуация или текст, а только терминология, через которую

он и приобретает свою однозначность” [29, с. 166]. Мы считаем, что термины однозначны внутри определенного терминологического поля. Невзирая на то, что одно и то же слово может быть термином различных областей знаний, термины, скорее всего, не полисемичны, а омонимичны. Если все лингвисты единодушны в понимании того, что термин точен, имеет номинативную функцию и ему свойственны эмоциональная, экспрессивная и модальная функции, что его значение равняется понятию, то единодушного мнения относительно стилистической нейтральности термина нет [27].

В последнее время особенно подчеркивается, что термин системен, или систематичен, что его роль нельзя ограничить лишь функцией наименования, что “упорядоченная терминология понимается как единство, состоящее из разработанной по особой методике системы понятий и системы знаков” [13, с. 51]. Однако, как справедливо отмечает Е. Н. Толикина, системность “термина понимается по-разному: одни авторы усматривают в ней классификационную сущность [10, с. 58], другие считают, что термину свойственна системность словообразовательная [30, с. 54], по мнению третьих [2, с. 31], термин системен вдвойне: как элемент терминологической системы, с одной стороны, как элемент системы языковой – с другой” [33, с. 53].

Мы считаем, что термины, в отличие от общеупотребительных слов, связаны с определенной научной концепцией, потому что в термине отражаются результаты и теоретическое осмысление научных исследований.

Таким образом, термин и слово не тождественны. Вместе с тем между терминами и словами наблюдается своеобразное взаимодействие, состоящее в том, что специальная терминология служит постоянным источником обогащения словарного состава языка, с одной стороны, а с другой, – терминология строится на базе общеязыковых лексических средств. Однако слово как элемент лексической системы, чтобы стать термином, должно претерпеть определенные изменения в своих характеристиках, избавиться от ряда существенных признаков, которые его характеризуют как элемент лексической системы языка.

В процессе изучения специальной терминологии следует учитывать различие между формирующейся и сложившейся терминологической системой: одной из самых характерных черт первой, как отмечает Л. Л. Кутина, “является то, что научное понятие представлено в них, как правило, серией терминов, терминологическим рядом, пучком обозначений – аналогов” [18, с. 85]. В сложившихся терминологических системах явления лексической синонимии обычно не наблюдается.

Множественность обозначений одного и того же понятия в формирующейся терминологической системе обусловлена рядом причин. Она может быть связана с тем, что в ней находятся термины разных эпох, иноязычные термины и термины, возникшие на почве родного языка. Иногда причиной синонимии является характер научного текста. Но самым главным фактом, способствующим многообразному выражению единого смысла, является влияние лексической системы языка, в частности, лексической синонимии.

Влиянием лексической системы языка следует объяснить омонимию и полисемию терминов в складывающейся терминологической системе. Кроме того, многозначность может быть вызвана и влиянием полисемических отношений чужого языка, если с последнего делались переводы на родной язык.

В начальные периоды функционирования терминологических систем наблюдаются сильные разносторонние связи термина со словообразовательным гнездом языка, в результате чего “слова, связанные словообразовательно с термином, сами становятся источником терминообразования” [18, с. 92].

По мере становления терминологической системы происходит изоляция слова-термина от его синонимических языковых связей, устранение полисемии языкового знака, появляется тенденция к сокращению словообразовательной базы новой терминологии, так как новые термины

образуются “от термина опорного или его модели, минуя словообразовательное гнездо” [Там же]. Вместе с тем однозначность термина, отсутствие синонимии в терминологической системе – это лишь ведущая тенденция. Исходя из вышеизложенного, мы предполагаем, что полностью эти семасиологические характеристики терминов никогда не реализуются.

Мы выделяем следующие этапы становления и развития медицинской терминологической системы:

1. Древнейший этап – этап, когда данная группа лексики еще не выделилась в самостоятельную. На этом этапе древнейшие наименования входят в различные группы лексики, и как следствие этого множественность, нетерминологичность, нечеткость значений данных слов.

2. Второй этап – выделение и наименование отдельных конкретных заболеваний.

3. Третий этап – период создания национальной (народной) медицинской терминологии. Он характеризуется появлением большого числа наименований в различных говорах, намечается тенденция к закреплению некоторых наименований в русском литературном языке и заимствованию иноязычных терминов.

4. Четвертый этап (конец XVIII – XIX в.) – период создания научной медицинской терминологии. На этом этапе уточняются народные наименования, и часть из них входит в научную терминологию.

Предложенная нами классификация отражается также в работах В. А. Меркуловой, которая отмечает, что “историческое развитие данной группы лексики может быть представлено лишь в общих чертах и с достаточной степенью гипотетичности” [22, с. 203].

Мы считаем, что принципиально важными для определения сущности термина являются следующие его признаки:

- 1) возможность существования в виде слова или словосочетания;
- 2) соотнесенность с научным профессиональным понятием;
- 3) системность;
- 4) образование на материале собственной лексики или заимствование из иностранных языков;
- 5) функциональная профессиональная направленность.

Некоторые лингвисты указывают на функциональные особенности термина, которые лежат в основе соотнесенности термина с профессиональным понятием, функционирующим в системе понятий определенной науки, определяют его семантическую и другую специфику (Б. Н. Головин [8], В. П. Даниленко [11], Т. Л. Канделаки [14], Д. С. Лотте [20; 21]). Они определяют понятие как форму отображения мира, форму обобщения предметов и явлений. Понятия фиксируются в языковых формах, соединяя термин как лингвистическую единицу с объективной действительностью.

В современной лингвистике не существует единого мнения об отношении семантики термина к выраженному им понятию. А. А. Реформатский и Л. О. Капанадзе считают, что точная дефиниция термина отображает все научные признаки понятия и что термин совпадает с понятием, потому что он является элементом отдельной теории [15; 29]. Они утверждают, что значение термина в современной науке – это его место в теории и что термины не имеют отдельной лексической семантики в общепринятом понимании [Там же].

Большинство лингвистов считает, что понятие и семантика – разные категории. Одни отмечают, что семантика термина соответствует понятию (Е. М. Галкина-Федорук [5], А. Шафф [36]), другие предполагают, что семантика термина является частью обозначаемого им понятия (А. С. Герд [6], Т. Л. Канделаки [14]), третьи утверждают, что лексическое значение термина формируется во время взаимодействия его особенностей как единицы лексиса (лексического уровня языка) и единицы логоса (понятийного контекста, в котором образуется и употребляется термин). В лексисе семантика термина заключается в его способности вызывать у реципиента

информацию об обозначаемом понятии, а в логосе – семантика термина равна дефиниции этого понятия [16, с. 192]. Исходя из этого, исследователи делают выводы, что “семантика термина бинарна в отличие от семантической структуры слова и является продуктом взаимодействия понятийного и языкового значений” [3, с. 363].

При ускоренном развитии определенной науки начинается активное отражение результатов ее достижения средствами массовой информации, что влечет за собой неминуемый переход терминов из разряда специальных слов в разряд общеупотребительных слов. Таким образом, терминологические единицы, теряя свои основные характеристики, расширяют сферу своего употребления, т. е. происходит их детерминологизация. Употребляясь в терминологической системе, термины остаются сами собой. При детерминологизации в разряд общеупотребительной лексики переходят и омонимы термина, которые не обладают необходимой научной точностью и системностью. Такие лексемы приобретают эмоциональность, стилистические возможности, апеллятивную деривацию.

Вследствие деривации терминологические единицы теряют системность, строгую концептуальность, однозначность, происходит опрошение заключенных в них понятий, они приспособляются к пониманию в обиходном языке, такие слова требуют подробного толкования, а не краткой дефиниции.

Особое внимание ученых-лингвистов привлекает вопрос разграничения терминологии и номенклатуры. Определить сущность понятия “термин” и задания его изучения пытался Г. О. Винокур. Он говорил о том, что термины – “слова в особенной функции” и эта функция – функция наименования (есть бытовой термин, который обозначает вещь, и научно-технический термин, который обозначает понятие), кроме этого, термины должны находиться “в отношениях взаимной гармонии, составлять терминологическую систему” [4, с. 5–6]. Г. О. Винокур в русской лингвистической науке впервые сформулировал вопрос о соотношении между номенклатурой – системой наименований, использующихся с практической целью, и терминологией, которая отображает в своих единицах систему понятий определенной сферы терминования и используется прежде всего с научно-технической целью [25, с. 149; 35, с. 6]. Он считает, что номенклатура – система “совершенно абстрактных и условных символов, единое назначение которой... дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей без прямого отношения к потребностям теоретической мысли...” [4, с. 8].

А. А. Реформатский считает, что в состав терминологической системы могут входить только имена собственные, и предполагает, что номенклатура лишь этикирует объекты определенной науки, не имея прямого отношения к потребностям теоретической мысли, и что номенклатура – “неисчисляемая, хоть и связана с понятием, но более номинативна” и является “перечислением онтологического инвентаря наук...” [30, с. 48–49].

В своей монографии “Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала” К. А. Левковская противопоставляет научную терминологию, которая связана с понятием, чисто “номенклатурной профессиональной терминологии” [19, с. 201].

А. Рейцак выдвигает другие принципы разграничения номенклатуры и терминологии, считая, что единицам номенклатуры не свойственна сигнификативная функция, а термин, соотносясь с соответствующим понятием, называет объекты, независимо от того, являются они конкретными или абстрактными, то есть выполняет сигнификативную и денотативную функции [28, с. 86]. Терминологией является совокупность терминов, взятых в сигнификативной и денотативной функциях. В случаях, когда нет надобности уточнять, что известно о свойствах предмета или явления, достаточным является указание на объект, что способствует употреблению термина в функции денотата и выполнению им функции номенклатурного названия. По мнению А. Рейцака, номенклатура – “перечисление (чаще систематизированное) предметов той или иной специальной сферы деятельности, или, другими словами, совокупность терминов только в денотативной функции” [Там же].

В зависимости от наличия денотата и сигнификата, характера связи между ними З. П. Патралова различает такие группы терминов: “1) специальная лексика номенклатурного характера (ее единственная функция – обозначение в системе номинаций), 2) термины-понятия (выполняют сугубо дефинитивную функцию), 3) термины с денотативно-сигнификативными значениями (которых большинство)” [26, с. 161–162].

Отрицает отличия между понятиями “номенклатура” и “терминология” Н. С. Родзевич, мотивируя это следующим: “материалы словарей свидетельствуют о том, что даже в тех отраслях науки, к которым применяют название номенклатура (фармакология, ботаника), почти не существует таких наименований, которые в прошлом не были бы связаны с конкретным понятием и не отображали бы его, в том числе нельзя утверждать, что они выполняют только номинативную функцию” [31, с. 11].

Определяя различие между номенклатурой и терминологией, Н. П. Кузьмин, считает, что это различие заключается не в форме, а в семантике. Он отмечает, что терминология служит “для закрепления результатов познавательной деятельности человека на высшей ступени – ступени логического осмысления, а номенклатура... дает нам обычный перечень специфических объектов без претензий на определение возможных связей с дефиницией” [Там же]. Ученый предполагает, что “в состав терминологии и номенклатуры могут входить одни и те же обозначения” и что “номенклатура – та же терминология, но использованная не в гносеологическом, как термины, а в онтологическом плане” [Там же].

А. Д. Хаютин в своей монографии “Термин, терминология и номенклатура” для “оправданного и нужного противопоставления номенклатура – терминология” приводит следующие критерии:

1) факт отсутствия тождества объема понятий “терминология” и “номенклатура” (первое шире, чем второе);

2) наличие различительных понятий номенклатура и терминология в лингвистической литературе дает основания оправданного и необходимого противопоставления “номенклатура – терминология”;

3) неоднородность единиц номенклатуры (например, формальная логика может не иметь онтологического инвентаря – термин А. А. Реформатского, география и астрономия имеют дело с единичными объектами – Красное море, Солнце и др., ботаника, зоология, медицина оперируют объектами, которые могут быть единичными или представлять собой видовые названия) [34].

М. П. Годованая считает, что “термин – элемент определенной теории, а номенклатура – наименование объектов отдельных наук без прямого отношения к нужной теории” и “... без четкой определенности объектов каждой конкретной отрасли науки, техники и т. п., очерченных определенными номенами с большей или меньшей точностью, вряд ли возможны теоретические обобщения. Потому, как нам представляется, между терминологией и номенклатурой нет четко выраженной черты” [7, с. 4].

В книге “Введение в терминоведение” С. В. Гринев определяет, что “номены имеют несколько общих с терминами черт: принадлежность к специальной отрасли знаний и к нейтральному пласту лексики, независимость от контекста, целеустремленный характер появления, стойкость и воспроизводимость в речи”. Ученый предполагает, что “количество номенклатурных единиц чрезвычайно большое и продолжает стремительно расти...”, как правило, в случае открытия химических соединений или регистрации новых звезд” и предлагает разграничивать термин и номенклатуру (как термин и общее слово) потому, что иначе, как считает исследователь, “не сможем удержаться в разумных границах во время составления специальных словарей многих наук” [9, с. 42–45]. С. В. Гринев, взяв за основу характер понятия, который может быть использован для разграничения номенов и терминов, выделяет следующие критерии их разграничения:

1) термины называют общие понятия, номены чаще всего – единичные;

2) основные известные критерии разграничения номенов – “номены – названия видовых объектов” (Н. А. Кондрашов) или “номены – названия понятий, размещенных на последних

горизонталей классификации” (Т. Л. Канделаки) нельзя признать полностью точными потому, что, во-первых, видовой термин часто бывает родовым для других терминов; в процессе развития терминологии видовой термин может превращаться в родовой, в основе чего лежат экстралингвистические факторы, и, прежде всего – обозначаемые объекты; во-вторых, что касается места термина в классификации, то наблюдается явление интерференции классификаций, в которых одно и то же понятие может занимать разные места в разных классификационных сетках [Там же, с. 43–44];

3) номены, в отличие от терминов, имеют более номинативный характер, потому для номенклатурной единицы основной является номинативная функция, для термина – сигнификативная [Там же, с. 43].

С. В. Гринев предполагает, что противоречия при применении классификационного критерия указывают на тот факт, что граница между термином и номеном не стойкая. Ученый считает только функциональный критерий достаточно надежным для разграничения термина и номена, потому что основная функция номенклатуры – маркирование отдельных объектов и единичных понятий [Там же, с. 44].

Специфика семантики медицинской лексики, служащей для обозначения заболеваний, делает возможным разграничение понятий “номенклатура” и “терминология”, которые не синонимичны потому, что номенклатура не “репрезентирует науку в системе ее понятий, а лишь этикирует ее объекты” [12, с. 45]. В нашей работе разграничение термина и номена происходит на классификационной основе, и номенклатурные названия занимают место в конце классификационного построения.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. Энциклопедия. – 1966. – 608 с.
2. Будагов Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М. : Просвещение, 1965. – 492 с.
3. Веселов П. В. К вопросу о типологии терминов / П. В. Веселов // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. – М., 1971. – Ч. 2. – С. 363.
4. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды МИФЛИ : сборник статей по языкознанию. – 1939. – Т. V. – С. 3–54.
5. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика: курс лекций / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Учпедгиз., 1958 – 503 с.
6. Герд А. С. Проблемы становления и унификации научной терминологии / А. С. Герд // Вопросы языкознания. – 1971. – № 1. – С. 14–22.
7. Годована М. П. Формування сучасної української геологічної термінології : автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.02 “Українська мова” / М. П. Годована. – К., 1994. – 16 с.
8. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М. : Высшая школа, 1987. – 103 с.
9. Гринев С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993. – С. 41–48.
10. Даниленко В. П. Как создаются термины? / В. П. Даниленко // Русская речь. – 1967. – № 2. – С. 57–64.
11. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1986. – 246 с.
12. Закревська Я. В. Українські народні назви рослин як основа сучасної нормативної ботанічної номенклатури / Я. В. Закревська // Питання взаємодії української літературної мови і територіальних діалектів. – К., 1972. – С. 45–47.
13. Канделаки Т. Л. Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом / Т. Л. Канделаки // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 57–64.

14. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. – М. : Наука, 1977. – 167 с.
15. Капаназде Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» (на материале научно-технической терминологии) / Л. А. Капаназде // Развитие лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1965. – С. 75–85.
16. Кукля Е. Г. Сопоставительное исследование терминосистем лингвистической семантики (на материале концепций языкового значения Лондонской лингвистической школы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Е. Г. Кукля. – Л., 1989. – 23 с.
17. Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века / Л. Л. Кутина. – М., Л. : Наука, 1966. – 288 с.
18. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем / Л. Л. Кутина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука. – 1970. – С. 130–146.
19. Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / К. А. Левковская. – М. : Высшая школа, 1962. – 294 с.
20. Лотте Д. С. Краткие формы научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 157 с.
21. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 157 с.
22. Меркулова В. А. Народные названия болезней, II (на материале русского языка) / В. А. Меркулова // Этимология, 1970. – М., 1972. – С. 143–206.
23. Овчаренко В. М. Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина / В. М. Овчаренко // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – С. 139–152.
24. Овчаренко В. М. Структура і семантика науково-технічного терміна / В. М. Овчаренко. – Харків, 1968. – 71 с.
25. Панько Т. І та ін. Українське термінознавство : підручник / Т. І. Панько, І. М. Кочан, Г. П. Мацюк. – Львів : Світ, 1994. – 214 с.
26. Патралова З. П. Номинация терминологических единиц (на материале общественно-политической терминологии XI – XIV вв.) / З. П. Патралова // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: II Всесоюзная конференция: тезисы докладов. – Днепропетровск, 1988. – Ч. 2 – С. 161–162.
27. Пиотровский Р. Г. К вопросу об изучении термина / Р. Г. Пиотровский // Ученые записки ЛГУ. № 161. Серия Филологических наук. – Л., 1952. – Вып. 18. – С. 23–30.
28. Рейцак А. Терминология и номенклатура / А. Рейцак // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига : Зинатне, 1973. – С. 71–91.
29. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики 1967. – М., 1968. – С. 103–126.
30. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 71–91.
31. Родзевич Н. С. Поняття термін, термінологія і номенклатура в працях радянських і зарубіжних учених / Н. С. Родзевич // Лексикографічний бюлетень. – К., 1963. – Вип. 9. – С. 3–12.
32. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Наука, 1989. – 246 с.
33. Туркина Р. В. Семантическая структура слова / Р. В. Туркина. – Калинин, 1973. – 22 с.
34. Хаютин А. Д. Термин, терминология, номенклатура / А. Д. Хаютин. – Самарканд, 1972. – 120 с.
35. Цейтлин Р. М. Из истории употребления неполногласных и полногласных вариантов в русской художественной речи конца XVIII – начала XIX в. / Р. М. Цейтлин // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. – М., 1964. – С. 225–284.
36. Шафф А. Введение в семантику / А. Шафф. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – 376 с.